

«МЕНЯ ВСЕГДА ПРИВЛЕКАЛ СЕВЕР...»

Борис Иванович МУХАЧЕВ,
доктор исторических наук, профессор

Темой моего исследования многие годы была история революций 1917 г., гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. В городе Томске, куда я поехал после окончания Московского историко-архивного института, я работал старшим научным сотрудником Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока. Потом — в Магадане, в лаборатории истории СВКНИИ СО АН СССР и, наконец, с 1971 г. — в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Вначале у меня возник интерес к северу Дальнего Востока (Камчатке, Чукотке, Колыме и Охотскому побережью). Если о юге Дальнего Востока по избранной мною проблеме имелись сотни трудов, то о севере, когда я им начал заниматься (с 1956 г.), их насчитывалось единицы. В значительной мере это было связано с тем, что борьба за власть Советов на Северо-Востоке страны возглавлялась едва ли не «врагами народа», и только после их реабилитации (в основном с 1956 г.) появилась возможность относительно спокойно заниматься малоразработанным пластом в науке.

Север привлекал еще и тем, что это была территория геополитическая, являвшаяся объектом иностранной экспансии. Недаром в 1920 — 1921 гг. военно-политическая обстановка на Северо-Востоке постоянно обсуждалась в ЦК РКП(б) и в советском правительстве, в НКВД, принимались соответствующие меры. Это была также территория специфическая, связанная с преобладанием среди населения малочисленных народов Севера с позднепервобытными отношениями. Советское строительство у них требовало особого подхода, более длительного времени. Борьбе за Советы и иностранной экспансии на Северо-Востоке (1918 — 1922 гг.) посвятил я свою кандидатскую диссертацию. В более широких

хронологических рамках (1917 — 1936 гг.) советское строительство в этом регионе рассматривается в моей докторской диссертации, защищенной в 1987 г.

Главное в исследовательской работе — создать источниковую базу. Этому помогла моя непосредственная работа научным сотрудником ЦГА РСФСР ДВ. Конечно, приходилось выявлять источники и в других госархивах, очень много дали сбор исторических материалов во время научных экспедиций на Северо-Востоке, установление контактов с участниками революционных событий, ознакомление с территорией, на которой проходили бои во время гражданской войны.

О некоторых из своих поездок я хочу рассказать. 27 сентября 1969 г. во время пребывания в Анадыре мне пришлось принимать участие в перезахоронении членов Первого ревкома Чукотки, расстрелянных коммерсантами 2 и 8 февраля 1920 г. Ревком был образован в результате антиколчаковского восстания в Анадыре 16 декабря 1919 г. Возглавлял его коммунист М.С. Мандриков. Этот чрезвычайный орган советской власти начал деятельность с национализации торговых предприятий, введения рабочего контроля. Два купца были расстреляны. Действия ревкомовцев проводились в условиях узкой социальной базы. Их экстремизм большинство населения не поддержало.

После контрреволюционного переворота 31 января 1920 г. расстрелянных ревкомовцев захоронили в ямах из-под рыбы, позже могилы затянуло вешними водами, и вечная мерзлота 49 лет хранила их тела. Когда было принято решение о перезахоронении и в 1969 г. могилы принялись раскапывать, то наткнулись на мерзлоту. Было видно, что в большинстве могил тела хорошо сохранились. С помощью пожарных машин стали отливать их горячей водой, для опознания приглашали старожилов. Часть одежды и ее содержимое передали в краеведческий музей, проводилась судебно-медицинская экспертиза. Во время траурной церемонии перезахоронения состоялся митинг, был произведен оружейный салют, гудели гудки заводов и морских судов.

В Анадыре я имел возможность встретиться и беседовать со многими старожилами, краеведами, которые подробно рассказали и показали, где и что происходило в поселке 49 лет назад. В это время и возникла мысль провести в Анадыре симпозиум, посвященный 50-летию Первого ревкома Чукотки. Этому способствовала большая работа историков и краеведов по изучению борьбы за власть Советов на Чукотке — Г.Г. Рошупкина, Н.А. Жихарева, В.И. Юхименко и др. Имелись публикации и у меня. Магаданский

1987 г. Председатель Президиума ДВО РАН академик В.И. Ильичев вручает Б.И. Мухачеву диплом доктора исторических наук.

обком и Чукотский окружком поддержали наше предложение. Историков пригласили не только из области, но и из Москвы, Днепродзержинска, Хабаровска, Петропавловска. Из Владивостока приехал член.-кор. АН СССР А.И. Крушанов. Со всей страны приглашались родственники ревкомовцев.

Симпозиум состоялся 24—25 декабря 1969 г. Наверное, впервые на такого рода научном совещании не утверждался регламент выступлений. Доцент Н.А. Жихарев, воспользовавшись этим, выступил два раза с часовым и полуторачасовым докладами. Я выступал около часа.

На симпозиуме были заслушаны доклады по историографии борьбы за власть Советов на Чукотке, о памятниках и памятных исторических местах в регионе, о новых материалах, выявленных при перезахоронении ревкомовцев и др. Андрей Иванович Крушанов выступил с докладом о борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке.

Большой интерес участников форума вызвали выступления ветеранов революционной борьбы, старожилы и родственников ревкомовцев. Были доклады по истории социалистического строительства на Чукотке. Присутствующие услышали много нового по

рассматриваемой проблеме. Так, в докладе окружного прокурора В.М. Зайцева о новых материалах, полученных при перезахоронении ревкомовцев на основе судебно-медицинской экспертизы, была представлена картина расстрела, несколько отличная от той, какую описали историки. Расстрел производился не издалека, а вплотную — в спину, а одному, обернувшись, пуля попала в живот, а над комиссаром охраны А. Берзиным издевались и после смерти, о чем говорят три рубленые раны у бедра. Историческую ценность представляли документы, найденные в карманах убитых.

Директору Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока А.И. Крушанову хорошо запомнился прошедший симпозиум, и поэтому сразу же при поступлении в институт он поручил мне подготовить материалы данного научного совещания к изданию. Наряду с докладами историков я включил в сборник и воспоминания старожилов, родственников ревкомовцев, воспользовался возможностью проиллюстрировать издание историческими фотографиями, и в 1972 г. сборник, названный «Бессмертие Чукотского ревкома», вышел в свет.

В институте мне поручалась работа по самой разнообразной тематике, связанной с историей гражданской войны на Дальнем Востоке, но исследования по северу Дальнего Востока оставались основными. Мне хотелось аспект данной проблемы довести до 1936 г., чтобы на этой основе написать докторскую диссертацию, на что и были направлены работы в госархивах, а также подготовка документальных сборников. Таким образом, выявленные материалы не только накапливались, но наиболее важные из них пускались в научный оборот. Так, в 1973 г. с моим участием вышел в свет сборник документов «Ревкомы Северо-Востока СССР (1922 — 1928 гг.)», было задумано продолжение его в виде серии сборников документов «Советы Северо-Востока СССР». Началась подготовка его 1-й части, охватывающей период с 1928 по 1940 гг. Работа проводилась совместно с архивистами и учеными-историками из вузов Магадана, Хабаровска, Петропавловска-Камчатского, с участием партийных и советских деятелей. Удалось также привлечь архивистов Анадыря и Паланы благодаря организации полевых работ на Камчатке в 1975 г.

Об организации полевых работ (научной экспедиции) расскажу особо. Экспедиция была задумана для продолжения поисков материалов о советском строительстве на Северо-Востоке в 20—30-х годах. Предполагалось работать не только в госархивах, но и побывать непосредственно в местах исторических событий, побеседовать с ветеранами советского строительства, выявить до-

1967 г. Москва. Б.И. Мухачев (справа) во время встречи с П.М. Никифоровым, бывшим премьер-министром Дальневосточной Республики.

кументы и фотографии в их личных архивах. Об итогах экспедиции я ранее писал в газетах «Дальневосточный ученый», «Камчатский комсомолец» и др., в магаданском альманахе «На Севере Дальнем»¹ в виде дневниковых записей, и потому нет необходимости подробно пересказывать их содержание.

Маршрут экспедиции был следующий: Хабаровск — Магадан — Петропавловск-Камчатский и далее районы Камчатской области до Паланы — центра Корякского автономного округа.

Вторым участником экспедиции стал научный сотрудник Томского института вакцин и сывороток Иван Петрович Черемпей. Можно задать вопрос: а какое отношение к экспедиции имел научный сотрудник этого института? Главным здесь было то, что Черемпей родился и жил на Камчатке. Еще работая в Магадане, я вел переписку с его отцом Петром Кузьмичом — бывшим командиром партизанского отряда, участником красноармейской экспедиции Г.И. Чубарова, посланной из Петропавловска на Охотское побережье (в Гижигу и Наяхан) для ликвидации белых отрядов полковника В. Бочкарева. Его воспоминания я публиковал в сборнике «Время. События. Люди (1917—1922)» (Магадан, 1967). Иван Черемпей свято чтит память об отце и однажды организовал поход красных следопытов по следам экспедиции Чубарова. Словом, он хорошо знал Камчатку и те места, в которых необходимо было побывать мне. Ивану оказалась близка тема нашего похода, а еще

Черемпей хорошо владел фотоаппаратом, ему можно было поручить путевые фотосъемки.

В начале сентября 1975 г. работа экспедиции началась в Хабаровске. Поездка была рассчитана на два месяца. Сразу же хочется отметить, что все задуманное мы выполнили. Приходилось работать в госархивах (в Хабаровске, Магадане, Петропавловске, Палане), были встречи с ветеранами, краеведами, историками, архивистами, и наш источниковый багаж значительно пополнился. Об этом уже писалось, но о некоторых деталях поездки и находках, наверное, стоит рассказать.

В Магаданском облгосархиве я не мог не обратить внимания на протоколы Анадырского райревкома за 1928—1931 гг. Глазам не верилось: в исторической литературе ревкомы на Чукотке зафиксированы до 1928 г., о чем писали и в сборнике «Ревкомы Северо-Востока СССР (1922—1928 гг.)». Но вновь выявленные документы говорили: райревком Анадыря просуществовал до того времени, когда партийные и советские органы региона приступили к организации Чукотского национального округа. Возможно, продолжительное существование чрезвычайного органа советской власти в Анадыре связано с этим фактом. Потом уже с выявлением новых документов об Анадырском райревкоме этого периода, найденных в Чукотском окружном госархиве, я написал специальную статью².

В Магадане в обкоме КПСС и областном издательстве мы договорились об издании сборника документов о Советах Северо-Востока. Издательство предложило мне написать для альманаха «На Севере Дальнем» статью об итогах нашей экспедиции.

В выявленных документальных материалах отчетливо просматривался диктат коммунистической партии во всех процессах, в том числе и в советском строительстве. В то время мы были настолько зашорены, что не обращали особого внимания на то, как формально проходили выборы в Советы (с заранее подобранными кандидатами в депутаты, которые обязательно должны быть избраны), что Советы под фактическим руководством партии были недостаточно самостоятельны. Думалось, что по-другому в 20—30-е годы, особенно в условиях Севера, при низком политическом и культурном уровне развития коренного населения иначе и быть не могло.

В Магадане долго задерживаться не имело смысла, и 25 сентября мы вылетели в Петропавловск. Снова работа в архивах и над фондами Советов, с газетами 20—30-х годов. Нам помогали архивисты и местные историки, которые входили в число составителей и членов редколлегии.

Б.И. Мухачев (справа) с коллегами. Слева д-р ист. наук проф. Н.В. Кочешков, в центре д-р ист. наук, проф. А.П. Деревянко.

В облгосархиве в первую очередь выявлялись материалы фондов Тигильского, Олюторского и Пенжинского райисполкомов, Корякского окрисполкома. Особое внимание обращалось на персональный состав Советов, так легче было искать ветеранов советского строительства в районах. Это позволяло одновременно обращать внимание на степень участия в работе Советов представителей малочисленных народов Севера. Именно такая сторона проблемы была недостаточно изучена.

Попутно мне пришлось выступать со спецкурсом по вопросам становления советской власти на Северо-Востоке в областном пединституте. В местном издательстве я договорился об издании своей книги «Борцы за власть Советов на Камчатке» к 60-летию советской власти.

Естественно, хотелось подробнее узнать о дальнейшей судьбе советских работников Камчатки, особенно в 1937 г. и после, но материалы об этом были тогда засекречены.

Еще в Хабаровске при встрече с бывшим заместителем прокурора Камчатской области С.М. Крупениным мы узнали, что по делу так называемой «Автономии Камчатки» оказались арестованными около 150 чел. Ему, камчадалу, предложили заняться судьбой примерно половины осужденных, среди которых были представители и коренного населения. Он знал их хорошо и стал осво-

бождать, за что самого арестовали. В дальнейшем во время поездки по Камчатке мы убедились, как много было арестовано первых советских работников. С нами часто даже боялись беседовать, опасаясь, что снова вернутся времена 1937 г.

В Камчатском облисполкоме в состав редколлегии сборника о Советах мы пригласили В.И. Алексеева (председателя). Как же без него выпускать в свет такой труд!

— А вы в обкоме партии были? Решили там этот вопрос? — спросил меня Алексеев. Я ответил, что это у меня в плане. В обкоме КПСС секретарь по пропаганде С.Г. Танский встретил меня приветливо и согласился не только с важностью подготовки сборника, но дал согласие быть членом редколлегии. Меня тогда удивило, что Алексеев самостоятельно не мог решить даже простого вопроса. Во время очередной беседы я напомнил председателю облисполкома, как еще до революции член Общества изучения Амурского края В.П. Маргаритов, выезжая из Петропавловска по Камчатке, получал от начальника уезда бумагу, в которой местным властям предписывалось оказывать содействие Маргаритову в поездке, и это ему очень помогало. Я сказал Алексееву, что если бы и мы от облисполкома имели такую бумагу, она тоже нам помогла бы: ведь на Камчатке легко застрять где-нибудь из-за непогоды на долгое время. Алексеев связался с начальником Камчатской авиагруппы и попросил помочь.

На нашем документе, выданном институтом, появилась резолюция зам. начальника авиагруппы Левченко, в которой он просил начальников аэропортов Камчатки оказывать нам всяческое содействие.

Не обошлось и без курьезов. При первой же посадке в самолет начальник смены позвонила кассиру, обязав ее зарегистрировать авиабилеты до Тигиля тов. «Мухачеву + один». «Плюс один» — это был Черемпей, который где-то задержался. Я получил два места. Иван Петрович вслед за мной тоже получил два места («Черемпей + один»). Совсем запутали кассира. Так и летели, имея по два места, когда их постоянно не хватало пассажирам.

4 октября прилетели в Тигиль, районный центр. Иван Петрович сразу же очутился в своей стихии. Когда-то он учился в Тигильском педучилище, и здесь оказалось много знакомых. Недалеко от Тигиля в пос. Хайрюзово он родился, а в Усть-Хайрюзово жили его мать и братья.

С помощью Черемпея и старожилов я ознакомился с поселком и его окрестностями. Стало яснее, где и как действовал в этих местах партизанский отряд А.Н. Притчина. Сохранилось зда-

ние дореволюционной телеграфной станции, в которой местный житель А.Л. Мухин (из казаков) в январе 1923 г. получил из Петропавловска предписание организовать партизанский отряд для отправки его в сторону Гижиги против белогвардейцев полковника Бочкарева. Отряд был создан из местных жителей — камчадалов и коряков. Через Тигиль на север Камчатки проходил красноармейский отряд Г.И. Чубарова из Петропавловска, мухинцы присоединились к нему, приняли участие в разгроме белых отрядов.

Встречи и беседы со старожилами, партийными и советскими работниками, выступления в школах по истории гражданской войны и социалистического строительства мне довелось проводить во всех поселках на пути следования экспедиции — в Тигиле, Палане, Каменском, Манилах, Тиличихах, в Корфе и др. Анализ состава местных Советов Камчатки 20—30-х годов позволял конкретно выявить степень участия в советском строительстве представителей малочисленных народов Севера. Наглядно были видны достижения и недостатки «строительства социализма» в этом регионе.

Меня всегда привлекал Север с его суровой красотой. Особенно понравился поселок Палана — центр Корякского автономного округа. Сопки ограждали его от сильных ветров, и в октябре было еще по-осеннему тепло. Приятно удивило, что в поселке много зелени, особенно главная улица — Депутатская — утопала в зелени. Побывали мы на только что введенном в строй заводе железобетонных изделий. На улице Ленинской строились трехэтажные крупнопанельные дома со всеми удобствами, была уже готова музыкальная общеобразовательная средняя школа, заложен фундамент нового здания средней школы.

Нам удалось поработать в окружном госархиве. При ограниченном времени выявить все нужные документы (по советскому строительству) было невозможно. Тогда мы создали актив из местных архивистов, партийных и советских работников, которому поручили продолжить эту работу. Новые документы (копии) они прислали уже во Владивосток, что было использовано при подготовке к изданию серии сборников документов «Советы Северо-Востока СССР». В свет вышло три выпуска, которые охватывают период с 1928 по 1982 г. На основе выявленных в разное время архивных и других источников публиковались мои монографии и статьи³, была защищена докторская диссертация.

Сейчас, в постсоветское время, часто думается, что тогда Советы без чрезмерной партийной опеки могли работать более эффективно. С отстранением коммунистической партии от руководства Советами из политической системы выпало звено, на кото-

ром все держалось. А позже Советы даже не смогли выступить в защиту своих опекунов, как не смогли в свое время противостоять тоталитаризму.

Почести, которые отдавались в Анадыре погибшим 50 лет назад ревкомовцам, были искренними, несмотря на допущенные теми перегибы. «Это были святые люди», — говорил о них в своем выступлении на симпозиуме ученый секретарь Хабаровского отделения Географического общества А.А. Степанов. Они не думали, конечно, что складывающаяся советская система приведет к авторитарному режиму к массовым репрессиям.

Тридцать лет, кажется, пролетели так быстро. За эти годы в институте мне, естественно, пришлось расширить территориальные рамки исследования за пределы Северо-Востока. Накапливался новый круг источников. Одной формационной методологии для работы было уже недостаточно. Стал применяться синтез формационного и цивилизационного подходов, что позволило более объективно освещать исторические события. Пришлось пересмотреть некоторые из прежних своих позиций во время подготовки к изданию 1-й книги 3-го тома «Истории Дальнего Востока России». Но это уже тема для других воспоминаний.

¹ Мухачев Б.И. Их имена — наша история // Коряк. коммунист. Палана, 1975. 12 дек.; Он же. Тех дней не смолкнет слава // На Севере Дальнем. Магадан, 1976. № 2. С. 83—91; Он же. Языком документов, словами очевидцев // Камчат. комсомолец. Петропавловск-Камчатский, 1977. 5, 10, 15, 17, 22, 29 марта; 2, 5, 12, 21 мая; Он же. Северо-Восток: За власть Советов // Дальневост. ученый. Владивосток, 1977. 27, 28 июля; 3, 17, 24 авг.

² Мухачев Б.И. Деятельность Анадырского райревкома по организационно-политическому укреплению Советов (1928—1931 гг.) // Ленинская национальная политика КПСС и народы Севера. Томск, 1984. С. 23—46.

³ Борис Иванович Мухачев: Библиогр. науч. тр. Владивосток, 2001.

SUMMARY: Boris Mukhachov, Doctor of Historical Sciences, Professor called his reminiscences about the year of work at the Institute «From the History of Studying the Soviets in the North». The theme of the research for the last 30 years was also connected with studying the history of Civil war in the Far East but the researches of the scholar on the Far Eastern North are the principal ones for him.

Boris Mukhachov recollects his meetings with those who took part in those events, veterans of the Civil war. Expeditions to the North gave B.I. Mukhachov a chance to prepare and published 3 collections of the documents «The Soviets of the North East of the USSR» (1928—1982). On the base of documents and other sources elicited in different time, B.I. Mukhachov published some monographs and defended Doctor thesis.